

Лит. газет а " 20 IX 1947

Как меня встретили в „свободной“ Америке

Александр КОРНЕЙЧУК

Когда меня пригласили в Америку — на Славянский конгресс, я с радостью согласился. Мне, советскому писателю, хотелось познакомиться с жизнью и бытом великой заокеанской страны, передать американскому народу сердечные приветствия от моей великой Родины.

Как только в США стало известно о приезде советской делегации, на мое имя стали приходить многочисленные телеграммы — различные общественные организации просили быть их гостем, выступить с докладом о советской литературе.

На все приглашения я ответил согласием. Мне хотелось встретить возможно больше людей, послушать их и рассказать им правду о нашей Родине.

Из Москвы мы вылетели самолетом через Берлин и Лондон. Два дня спустя теплоход «Куин Мэри» взял курс на Нью-Йорк. Мне очень хотелось увидеть Америку с океана, — окутанные дымкой тумана небоскребы великого города и знаменитую статую Свободы, знакомую мне только по американским фильмам. Но в пути капитан теплохода получил радиogramму, сообщавшую, что в Нью-Йорке забастовали портовые рабочие. Нашему теплоходу пришлось изменить курс. Он пошел в канадский порт Галифакс.

Из Галифакса в Нью-Йорк мы поехали поездом.

Около гостиницы, в которой мы должны были остановиться, собралось несколько тысяч американцев. Они хотели встретить нашу делегацию на вокзале, много раз, но безуспешно, справлялись по телефону, когда прибудет наш поезд. Так, из-за исключительной «точности» американской железной дороги расстроилась встреча советской делегации.

На утро меня пригласили в советское консульство. Меня ждало там много писем. Из различных общественных организаций звонили по телефону — просили выступить у них. «Если вы примете все приглашения, вам придется выступать в течение двух месяцев дважды в день, — сказал мне консул. — Я понимаю, что это очень большая нагрузка, но одна организация постаралась оградить вас от выступлений».

Столь трогательную заботу обо мне проявил департамент юстиции. Сей департамент еще за несколько дней до моего приезда прислал на мое имя письмо, в котором предупреждал, что если я не зарегистрируюсь как агент иностранной державы и не дам... отпечатка моих пальцев, то меня привлекут к уголовной ответственности.

Такое же письмо пришло на имя Ванды Василевской, которая собиралась приехать вместе с нами.

Нет, не может быть! Американцы, с которыми я встречался в дни войны в Москве, много рассказывали мне об американской демократии. Они приглашали меня в свою страну, подчеркивая, что я буду там желанным гостем. Они хвалили мою пьесу «Миссия мистера Перкинса», называли ее произведением, помогающим взаимопониманию и сближению наших народов.

Я вновь перечитываю письма:

«Дорогой мистер Корнейчук. Литературное собрание состоится в понедельник вечером... Председателем будет профессор Колумбийского университета Эрнест Дж. Симпсон».

У нас выступают три американских оратора, передовые люди в области литературы. Мы составим программу таким образом, что Ваша речь с трансляцией займет приблизительно час. Останется час для вопросов и обсуждения...»

«Дорогой доктор Корнейчук. Приглашаем Вас принять участие в одной из замечательнейших конференций, которая открывается в Принстонском университете».

Принстонский университет, как Вам, вероятно, известно, празднует в 1946 году свое двухсотлетие... Одно из шести наших собраний Вам будет особенно интересно, — главная его тема — гуманитарные традиции будущего века. Ваше присутствие доставит Комитету «Гуманитарных традиций» особое удовольствие и укрепит нашу веру в то, что эта конференция утвердит культурную веку в прогрессе американского образования.

Искренне Ваш Дональд А. Стауффер, директор Конференции «Гуманитарной традиции будущего века».

«Гуманитарные традиции будущего века! Как это благородно звучит! Но вот передо мной черным по белому, по-американски деловито, коротко и ясно написано — зарегистрируйтесь как агент, иначе мы вас посадим в тюрьму, сделаем отпечаток ваших пальцев, иначе в тюрьму. А если вы зарегистрируетесь и попробуете где-нибудь выступить, то к вам немедленно подойдет молодой человек из полиции: «Послушайте, вы агент иностранной державы, полицейская карета подана».

Раздался звонок. Консул взял трубку: — Вас спрашивают. Просят, чтобы Вы выступили завтра...

— Нет, — перебил я, — дайте мне минуту.

— Куда вы собираетесь ехать?

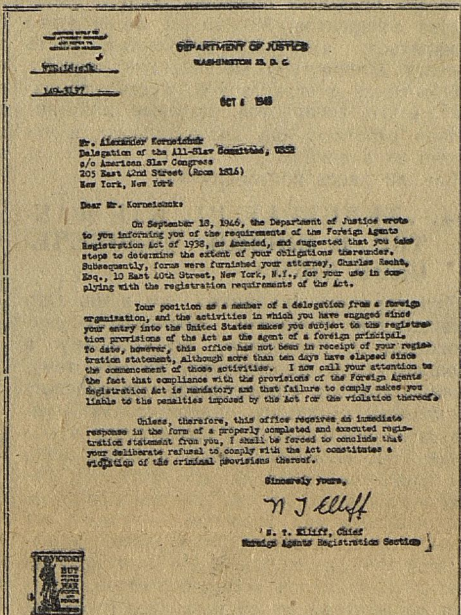
— Хочу увидеть статую Свободы.

Через полчаса я был в порту. Далеко, спиной к Америке, стояла статуя Свободы. На набережной сотни моряков; они отсчитывают десять шагов вперед, десять назад. В руках у каждого щит, на котором написано: «Мы бастуем, мы требуем человеческих условий жизни»...

Вечером в зале «Медисон-сквер-гарден» собралось двадцать тысяч человек.

Когда наша делегация вошла на трибуну, все встали, горячо приветствуя гостей Советской страны. В эти волнующие минуты мы забыли о письмах департамента юстиции. Мы увидели, мы почувствовали, что самая разнуданная клевета на Советский Союз не может поколебать великий авторитет советского народа в глазах американского народа. Когда председательствующий прочитал приветственную телеграмму товарища Сталина Славянскому конгрессу, то казилось, рушатся стены от оваций и возгласов двадцатитысячного митинга. Мы пережили незабываемые минуты.

После предупреждения департамента юстиции я сообщил всем общественным организациям, просившим у них выступить, что так как по законам американской демократии гостей из Советского Союза за выступления собираются посадить в тюрьму, то в силу этих, не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден с сожалением отказаться от любезных приглашений.

Текст извещения, полученного
А. Корнейчуком.

Департамент Юстиции

Вашингтон 25, Дистрикт Колумбия

Мистер Александр Корнейчук

Делегация Всеславянского Комитета СССР

через Американский Славянский Конгресс

205 Ист 42-я улица (комната 1816),

г. Нью-Йорк, шт. Нью-Йорк.

Дорогой мистер Корнейчук!

18 сентября 1946 года, Департамент Юстиции написал вам, извещая о требованиях Закона о регистрации иностранных агентов от 1938 года, с поправками, и предложил вам предпринять шаги для определения того, какие обязательства вытекают для вас из этого закона. Вслед за этим ваш поверенный Чарльз Рехт эскортировал, 10 Ист 40-я улица, Нью-Йорк, шт. Н.-Й., был снабжен анкетами для заполнения их вами в соответствии с требованиями закона в части регистрации.

Ваше положение, как члена делегации, представляющей иностранную организацию, и деятельность, которой вы занимаетесь со времени вашего въезда в Соединенные Штаты, распространяется на вас, как на агента иностранной державы, положения Закона, касающиеся регистрации. Однако до сего времени Департаментом не получено ваше заявление о регистрации, хотя с момента начала вашей деятельности здесь истекло более десяти дней. Теперь я обращаю ваше внимание на тот факт, что соблюдение требований Закона о регистрации иностранных агентов совершенно обязательно, и невыполнение их подводит вас под действие санкций, установленных для его нарушителей.

Следовательно, до тех пор, пока Департамент не получит от вас срочного ответа в форме надлежащим образом заполненного и исчерпывающего регистрационного заявления, я буду вынужден сделать вывод, что ваш умышленный отказ соблюдать Закон составляет нарушение тех его требований, которое уголовно наказуемо.

Искренне ваш
Н. Т. Эллиф, начальник секции
регистрации иностранных агентов.

Свою деятельность в Америке я ограничил тем, что на митингах в Нью-Йорке и других городах передавал в трехминутном выступлении сердечный привет американскому народу от советского народа и благодарность за помощь в дни войны с фашизмом.

Я решил подчиниться законам страны, в которой я нахожусь. Ведь за привет и благодарность, как говорит народная пословица, не судят. Однако вышло наоборот. Я получил еще одно грозное письмо: «...департамент юстиции написал вам, чтобы Вы обязательно зарегистрировались как иностранный агент. Причем вам предложили сделать это немедленно во избежание привлечения в принудительном порядке...»

А через два дня пришло третье письмо, в котором меня предупреждали, что, соответственно закону, я нахожусь под угрозой двух лет тюрьмы и тысячи долларов штрафа.

Мне стало, мягко выражаясь, несколько душно в «свободной» Америке, и я решил немедленно улечься домой.

Перед отъездом мы поехали в Гайд-парк — возложить венок на могилу Франклина Рузвельта. Мы склонили головы перед прахом великого сына американского народа, чьи идеалы современные правители Америки похоронили в день его смерти. Нас пригласили осмотреть дом, в котором жил покойный президент, и музей. В музее собраны подарки, преподнесенные Рузвельту почти из всех стран мира. На стенах множество фотографий: Рузвельт награждает американскими орденами солдат и офицеров союзных армий. Но нет ни одной фотографии, где президент награждал бы советских летчиков, моряков. На центральном месте фотографии — Рузвельт и Черчилль, но нет фотографии — Рузвельт и Сталин. Ничего, что напоминало бы о великом союзнике Америки в борьбе с фашизмом — о Советском Союзе.

Я спросил служителя музея: — Почему нет фотографий Рузвельта и Сталина? Ведь их исторические встречи известны всему миру.

Он ответил: — Вначале были, но потом почему-то их сняли.

И покраснел.

Даже в такой святыне американского народа, как музей Рузвельта, грязные лапы американских фашистов уничтожили все, что отражало самое большое, самое великое в истории свободолюбивых народов мира в дни величайших испытаний.

Ни угрозы департамента юстиции, ни распространяемая по моему адресу оголтелая клевета реакционных газет не могли так оскорбить меня в «свободной» Америке, как чудовищная фальсификация истории в музее Франклина Рузвельта.

Но было бы несправедливо говорить о полном отсутствии «свободы» в современной Америке. Я видел демонстрацию в Нью-Йорке, в центре города. Это были польские фашисты. В передней колонне двигался грузовой автомобиль. На нем стояла женщина в белом платье, с терновым венком на голове. Около нее сидели загримированные толстопузые господа в наручниках, одетые в рубища. Они изображали польских крестьян, а женщина в белом — Польшу. Против женщины стоял молодой человек в красноармейской форме, нелепо загримированный под Кузьму Крюкова. Он держал штык у груди женщины. Над автомобилем — транспарант: «Спасите Польшу от большевиков».

Десятки оркестров гремели на весь Нью-Йорк. Оркестранты, одетые в польские национальные костюмы, поднимали невероятный шум. Конные и пешие полицейские охраняли демонстрацию, направленную против Советского Союза, против польского демократического пратительства.

Надписям на транспарантах позавидовал бы Геббельс.

Все это происходило с ведома американского правительства, охранялось и опекалось.

Вместе с польскими фашистами шли их американские хозяева. Они широко улыбались, похлопывая по плечу своих лакеев. Интересно, на чью защиту и на чье покровительство могли бы рассчитывать десятки тысяч польских рабочих Детройта, — их делегация просила меня передать самый горячий привет новой Польше, ее правительству и народу, — если бы они вышли на демонстрацию в честь горячо любимой ими, великой и свободной сегодняшней Польши.

Таковы сегодняшние порядки в «свободной» Америке. Так встречаются там писателей, представителей народа, сражавшегося рука об руку с американским народом за мир, демократию и свободу.